

На правах рукописи

Миссонова Людмила Ивановна

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЙЛЬТА
(*конец XIX - начало XXI вв.*)

Специальность 07.00 07 -этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва, 2004

Работа выполнена в Ордена Дружбы народов
Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

Научный руководитель:

*доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН*

С.Л. Арутюнов

Официальные оппоненты:

*доктор исторических наук
кандидат исторических наук*

*З.П. Соколова
А.А. Никитенков*

Ведущая организация:

*Омский государственный университет,
кафедра этнографии*

Защита состоится 21 декабря 2004 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета К.002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу:
119334 Москва, Ленинский пр-т, 32-А, корп. В.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии РАН.

Автореферат разослан " .. " ноября 2004 г.

Ученый секретарь
„Диссертационного совета“
кандидат исторических наук

Л.В. Остапенко

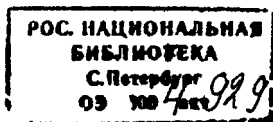
I. Общая характеристика работы

Правомерность и актуальность темы. Первые упоминания об *уйльта* относятся к концу 30-х годов XVII в., однако процесс активного изучения этого народа начался лишь в последние десятилетия. Малочисленность и отсутствие устойчивого наименования в различных статистических документах XIX-XXI вв. привели к крайне странной, неоднократно повторяющейся ситуации, когда народ то почти исчезал, то вдруг возрождался снова. При этом, как показывают архивные материалы и полевые этнографические изыскания, данная этническая общность на протяжении последних веков имела *de facto* численность не менее 600-700 чел. - в XIX в. и 320-340 чел. в XX в. Объясняется это разными причинами, в том числе воздействием окружающей этнической среды, под влиянием которой происходили естественные процессы ассимиляции, а также неоправданным отсутствием учета данного народа официальной статистикой, включая государственные переписи населения.

История идентификации этого малочисленного народа другими окружающими его этническими общностями, исследователями различных национальностей и государств, а также представителями государственной власти России разных эпох оказалась крайне не простой. Более того, на протяжении десятков лет запутанность идентификации оказывала постоянное влияние на судьбу самого народа, порождая мифы о его численности и расселении. *Уйльта, орочен, ороки, орочи* ... - как только не называли народ, живущий на Сахалине и традиционно занимающийся оленеводством, сезонной охотой и рыболовством. Этим обстоятельством обусловлено обращение автора работы прежде всего к рассмотрению проблемы идентификации данной этнической общности.

Безусловно, *уйльта* - один из самых малочисленных народов России. Именно поэтому исследователь не может и не должен пройти мимо жизненных проблем этнической общности, которая, несмотря на свою малочисленность, равновелика по праву быть максимально изученной в рамках возможных источников и достойно представленной в ряду этнического многообразия России. На сегодняшний день в научной литературе нет обобщающих работ по проблеме этнической идентификации *уйльта*, равно как нет и исследования различных сторон жизни, отражающего этнокультурную трансформацию народа к началу XXI века

Чтобы понять, в каких условиях малочисленному народу приходится жить на современном историческом этапе, необходимо попытаться проанализировать этнокультурную динамику в основных сферах жизнедеятельности этнической общности, чему в данной работе и будет

уделено первостепенное внимание. В работе рассматриваются перспективы возрождения и развития оленеводства, проблемы создания семейных, родовых и других форм хозяйствования на основе закрепления в законодательном порядке территорий традиционного природопользованию. Необходимое внимание уделено освещению актуальности сохранения традиционных отраслей хозяйственной деятельности, культуры, языка и обеспечения социальной защиты уйльта.

В жизнь малочисленного народа интенсивно вторгались в различные исторические эпохи, пытаясь как будто бы и доброжелательно довести его представителей до высоких благ цивилизации. Но на деле получилось, что людей отучили от прежнего образа жизни и ведения хозяйства и не научили приспосабливаться к жестоким условиям борьбы за рабочее место. История постоянно ставит их в новые социально-экономические и культурные условия, не давая практических «уроков» адаптации к резко меняющейся на протяжении одного столетия этнополитической ситуации. Немногочисленная интеллигенция уйльта остро воспринимает потерю культуры, складывавшейся веками, и родного языка и видит в этом путь к деградации большинства представителей их народа. Проблема влияния этносоциальной среды на малочисленную этническую общность представляется чрезвычайно актуальной на современном этапе развития нашего общества.

Цель исследования. Сложность процессов эволюции данной этнической общности и малая степень изученности этнокультурного развития обуславливают необходимость многосторонне изучить *этнокультурную динамику жизнедеятельности уйльта* на различных этапах этнической и социальной истории, что и было поставлено основной целью настоящей работы.

Задачи исследования определяются прежде всего интересами изучаемого народа. *Основная задача* - отобразить динамику этнокультурных и этнохозяйственных процессов для выявления тенденций развития уйльта.

Среди основных задач исследования нужно выделить анализ причинно-следственной связи возникновения и существования практически на протяжении двух веков проблемы идентификации уйльта, а также характерных направлений изменения основных этнодемографических характеристик данной этнической общности, что послужило причиной для обращения к изучению родового состава и браков, этнических и социальных аспектов рождаемости и семьи, численности и проблем здоровья общества. Задачи работы обуславливают изучение всех вопросов с учетом положения уйльта в социальной системе этнической среды Сахалина. Задачи

настоящей работы также состоят в том, чтобы с максимально возможной точностью, какую позволяют источники, отобразить динамику оленеводства и рыболовства как сфер жизнеобеспечения этнической общности, сделать попытку проанализировать процесс «возрождения» данного народа

Сравнительный анализ данных различных временных периодов динамики жизнедеятельности уйльта позволяет объяснить современное состояние этнической общности и её индивидов, выявить различные аспекты этнополитической ситуации, сложившейся в изучаемый период истории по отношению к этому народу. Немаловажно привлечь внимание научной общественности к существующему трагическому положению малочисленного и столь же малоизвестного (даже для российского читателя) коренного народа Сахалина.

Объект исследования - народ уйльта, исторически подразделяющийся на северную, *доронени* («люди, живущие на Севере»), и южную, *суннени* («люди, живущие ближе к солнцу») группы. В работе изучается вся этническая общность, члены которой осознают себя причастными к «уйльта», а также этносоциальная среда обитания этого народа. Исследователи XX в. относят уйльта по языковой классификации к тунгусо-маньчжурской группе народов, по антропологической - к представителям байкальского типа.

Предмет исследования включает историю этнонимии народа, проблему определения численности этнической общности в разные периоды развития, расселение и половозрастную структуру, родовой состав и браки в период Российской империи, японского губернаторства Карафута (на территории Южного Сахалина, 1905-1945 гг.) этнические и социальные аспекты рождаемости и семьи в советский и постсоветский периоды истории нашей страны, влияние этнической среды и государства на состояние основных форм жизнеобеспечения народа - оленеводство, сезонную охоту, рыболовство:

Территориальные границы исследования обусловлены территорией обитания этнической общности на Сахалине по известным современной науке данным с XVII в. В настоящее время уйльта расселены в Ногликском и Поронайском районах о-ва Сахалин: в пос. Вал (частично в пос. Ноглики), в г. Поронайск и на относящемся административно к Поронайску о-ве Южном (Сачи).

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. по начало XXI в., что обусловлено наличием архивных документов, содержащих информацию об уйльта, живших в конце XIX - второй

половине XX вв., и полевого материала, собранного автором данной работы с 1990 по 2004 гг.

Источники. Полевые этнологические исследования проводились автором на территории двух районов Сахалинской области: в Ногликском районе (северная группа уйльта) и в Поронайском районе (южная группа уйльта) в 1990-1991 гг. и, спустя 10 лет, в 2001-2004 гг. (6 полевых сезонов). Основу исследования составляют материалы, хранящиеся в полевом архиве автора, полученные в результате индивидуальной работы с большим числом информаторов, осознающих себя «уйльта», живущих на территории названных двух районов Сахалина (сельское и городское население). Кроме того, использовались личные наблюдения автора во время пребывания (ведения совместного быта) в различных уйльтинских семьях и непосредственного участия в «кочевом образе жизни» представителей оленеводческой культуры северной группы уйльта.

На основе полевых экспедиционных и архивных материалов составлены две карты, охватывающие годовые циклы жизни оленеводческих бригад северной и южной групп уйльта на различных исторических этапах, а также карта современного расположения родовых хозяйств южной группы уйльта, занимающихся рыболовством.

В работе широко используются материалы четырех архивов: Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток) Государственного архива Сахалинской области (г. Южно-Сахалинск), Ногликского районного государственного архива (пгт. Ноглики Сахалинской области), Поронайского районного государственного архива (г. Поронайск Сахалинской области). Все ниженазванные архивные данные используются впервые. Таким образом, в научный оборот вводится новая информация, не доступная ранее для широкого круга исследователей.

Из документов, хранящихся в РГИА ДВ, были использованы *Дела Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора*, рассказывающие «О ревизии острова Сахалина» (1893-1897 гг.), переписка Канцелярии Приамурского Генерал-губернатора с *Губернатором Сахалинской области* и *Военным Губернатором острова Сахалина* в первые десятилетия XX в., содержащие различную информацию об «инородцах Сахалинской области», о «племенах» и «их селениях», стойбищах «орочен», данные «подворной переписи» и сведения «по племенным группам». Важные и очень интересные факты излагаются в «Докладе о действиях экспедиции начальника ея, *врача Коллежского Советника Штейгмана*». Эта экспедиция проводилась на севере острова Сахалина «для санитарных мероприятий среди инородцев и попутного сбора статистико-экономического материала о

них, командированная Военным Губернатором острова летом 1908-го года». Наиболее раннюю информацию содержит рукописный *Репорт* исполняющего делами *Инспектора Медицинской части Приморской области Восточной Сибири Военному Губернатору Приморской области*, поданный в 1869 г. В нем имеются сведения о населении «в юртах и селениях», представленные первым врачом, «проникнувшим в глубину острова» Сахалин, *Г. Васильевым*. Некоторые статистические данные о нацменьшинствах Дальнего Востока, «туземных племенах» «Амура и Приморья» взяты из донесений (телеграмм) *Управления Делами Дальревкома Наркомнацу Сталину* в 1920-х гг., о «малых народах Севера в составе 4-х племен» - из *Протоколов заседаний Президиума Сахалинского Окружного Исполнительного Комитета* в 1931-1932 гг.. Общий объем архивного материала, непосредственно использованного автором по названной теме, охватывает более 230 архивных листов, хранящихся в РГИА

ДВ.

Большой объем информации, в том числе статистические данные, содержит *фонд областного архива Сахалинской области «Церкви острова Сахалина Камчатской духовной консистории»*. Автором данной работы исследован весь комплекс метрических книг ГАСО, состоящий из 216 книг (в это число не входят сохранившиеся алфавитные книги некоторых церквей). Самые ранние записи в метрических книгах относятся к 1869 г., самые поздние - к 1925 г.. Выявлены и изучены 83 метрические книги, дающие информацию о коренных народах Сахалина, начиная с 1870-х гг. Общий объем информации о коренных народах Сахалина охватывает 720 архивных листов (большое число листов с оборотом, всего — около 1000 страниц). Впервые уйльта («орочены») регистрируются в метрических записях 1879 г., последние записи относятся к 1916 г.

Метрические книги позволяют представить картину заселения Острова Сахалин, включая малочисленные этнические общности. На основе данных этого фонда автором настоящей работы составлены *таблицы*, включающие сведения об уйльта на момент их крещения, рождения, венчания и смерти. Таблицы содержат имена уйльта (до и после крещения), их возраст, родовую принадлежность, территориальное происхождение и другие важные для исследования факты. Названные таблицы имеют большой объем, поэтому отнесены в раздел «*Приложения*» к настоящей работе.

Помимо фонда метрических книг, использованы *фонды* по истории оленеводческого колхоза «Вал» Восточно-Сахалинского района, совхоза «Оленевод» (Годовые отчеты, начиная с 1947 г.), зверосовхоза «Поронайский», итогам Всесоюзных переписей скота (в советский период),

а также фонды, содержащие Протоколы заседаний исполкомов Поронайского городского и Ногликского Советов народных депутатов, касающихся проблем коренных народов Севера, документы о национально-производственных и родовых кооперативах, статистические данные, предоставленные администрациями Ногликского и Поронайского районов.

Статистические материалы о малочисленных народах Севера представлены также в официальных документах «Федерального государственного статистического наблюдения». Детально изучались и основные данные всех доступных *Переписей населения России*, начиная с Первой всеобщей переписи населения 1897 г., включающей Перепись инородческого населения. Материалы по острову Сахалин публиковались в 1899, 1903, 1904 годах.

Весь перечисленный объем источников позволяет многосторонне изучить *этнокультурную динамику жизнедеятельности уйльта*

Научная новизна данной работы состоит в том, что впервые делается попытка изучения динамики жизнедеятельности уйльта, начиная с последних десятилетий XIX в. до начала XXI в. Это первая работа, посвященная этносоциальным проблемам уйльта, рассматривающая процессы влияния многоэтнической среды острова Сахалин на малочисленный народ. Впервые всесторонне рассматриваются многогранные стороны этнокультурной трансформации уйльта. До сих пор у большинства исследователей проблематика этнической общности уйльта рассматривалась только в процессе изучения иных народов Амура и Сахалина.

Научно-практическая значимость работы состоит прежде всего в том, что впервые делается попытка проанализировать проблемы, связанные с идентификацией данной этнической общности. Впервые вводятся в научный оборот данные об «инородцах», содержащиеся в Метрических книгах Сахалина, а также архивные материалы, характеризующие суть коллективного оленеводства этого народа в советский период истории. Обработанные данные архивов внесены в обширные таблицы, представленные в качестве отдельного Приложения к данной работе. Впервые на основе изучения оленеводческих маршрутов составлены карты годового жизненного цикла оленеводства уйльта в XX веке. Систематизированный обширный материал может быть использован для сравнительного анализа процессов трансформации других малочисленных народов Севера, прежде всего живущих в России, включая коренные народы Сахалина. Этнокультурная ситуация, к которой пришли уйльта в результате

динамики за прошедшие два столетия, показательна для оценки общей этнокультурной ситуации в нашей стране

Методологической основой исследования стала теоретико-методологические труды российских этнологов по проблемам происхождения, развития, структуры этнических общностей (главным образом - малочисленных), находящихся на различных стадиях социально-экономического развития, по вопросам семейно-брачных и родовых взаимоотношений, истории и культуры народов Крайнего Севера России, проблемам этнической и природной среды обитания социумов, этнонимии, самосознания и идентификации народов и их индивидов, ассимиляции и аккультурации этнических общностей, этнокультурной трансформации - С.А. Арутюнова, В.Г. Богораз-Тана, С.И. Вайнштейна, Г.М. Василевич, Б.О. Долгих, С.В. Иванова, В.В. Карлова, В.И. Козлова, Н.В. Кочешкова, Е.А. Крейновича, А.И. Кузнецова, Л.П. Лашука, М.Г. Левина, Г.Е. Маркова, А.А. Никишенкова, В.А. Никонова, А.П. Окладникова, С.К. Патканова, Б.О. Пилсудского, П.И. Пучкова, Ю.И. Семенова, А.В. Смоляк, З.П. Соколовой, Ч.М. Таксами, В.А. Тишкова, С.А. Токарева, Н.А. Томилова, В.А. Туголукова, Б.А. Фролова, Н.Н. Чебоксарова, С.В. Четко, С.М. Широкогорова, В.А. Шнирельмана, Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга; а также труды российских лингвистов - К.М. Мусаева, К.А. Новиковой, Л.В. Озолия, А.М. Певнова, Т.И. Петровой, В.Н. Савельевой, Ю.А. Сема, Л.И. Сем, В.И. Цинциус; исследования российских археологов - А.А. Василевского, О.Ю. Дедахина; работы зарубежных специалистов по изучаемой проблематике - Т. Акидзуки, Дзиро Икэгами, Кончи Иноуэ, Хаджиме Исхида, Рейко Миязаки, С. Мураяма, Нагано Сукехаци (из Японии), Х. Квона (из Республики Корея), А. Маевича, Д. Стефана (из Польши), Б. Малиновского (из Великобритании), Б. Лауфера (из США), Йюхи Йанхунена (из Финляндии).

Методологическую основу работы составляет принцип историзма, включающий изучение конкретных фактов и событий истории (в частности - Крайнего Севера России и отдаленного от её основной территории острова Сахалин), обусловленных предыдущим ходом исторического процесса и обуславливающих будущее развитие социумов и его индивидов.

*Основными методами исследования послужили традиционные общепринятые в российской этнологической науке методы. Прежде всего, для сбора первоначальных данных об отдельных компонентах культуры и социально-экономической жизни коренного населения Сахалина использовались методы *полевой этнографии*. Полевые исследования проводились преимущественно *методом включенного наблюдения* (этот*

термин и все последующие дефиниции этнографической науки употребляются здесь и далее в соответствии с определениями, изложенными в Своде этнографических понятий и терминов, разработанном учеными ИЭАРАН в 1980-1990-х гг.) в местах расселения уйльта. Для получения массового материала применялся *опрос* коренных жителей с помощью *тематического интервью* по основным вопросам и проблемам жизни социума. *Во время проведения полевой работы* были составлены *карты*, систематизирующие информацию об истории развития оленеводства северной и южной групп уйльта в XX веке. Фиксация материалов осуществлялась в общепринятой форме *рассказов* информаторов об отдельных людях и случаях жизни, позволяющих в последующем произвести анализ услышанных данных, характеризующих происходящие в жизни общества события и их восприятие (осознание) местным населением. *Методы количественного и структурного анализа* применялись как взаимодополняющие. Для изучения процессов аккультурации применялся *метод сравнительного, кросс-культурного анализа* явлений и процессов, позволяющий выявить общие стороны и исключительные факторы в истории изучаемого народа, причины сходств и различий бытия. Кроме того, был использован *метод компонентного анализа*, позволяющий выявить отдельные стороны и внутренние законы жизни конкретного общества, а также причинно-следственную взаимосвязь факторов, приведших конкретный народ в конкретное состояние, в результате обращения к этнографическим, историческим, археологическим, антропологическим, лингвистическим и демографическим данным.

Апробация работы. Основные положения и выводы прошли обсуждение на научных конференциях, в том числе международных. Были представлены следующие доклады и тезисы:

1. Общее и особенное в процессах аккультурации малых народов (Южная Индия и Крайний Север России) - Советско-индийская конференция «Этносоциальная ситуация в Индии и СССР». Ленинград, 1990.
2. Межнациональные семейно-брачные отношения у малых народов Севера - Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических исследований. 1988-1989. Алма-Ата, 1990.
3. Межэтнические отношения на Сахалине - Етнографічна спадщина і національна відродження. (Международная конференция по этническим проблемам.. Национальная Академия Наук Украины. Київ, 1992). Киев, 1992.
4. Этническая среда как фактор трансформации этноса - К новым подходам в отечественной этнологии. Грозный, 1992.

5. Влияние этнической среды на развитие этнического меньшинства - Этнические меньшинства на Украине. Международная научная конференция. Київ, 1994.
6. Современное состояние малочисленного этноса Сахалина Уйльта (влияние этнической среды и государства) - Международный научный семинар по теме "Post-Soviet Political and Socio-economic Transformation among the Indigenous Peoples of Northern Russia: Current Administrative Policies, Legal Rights, and Applied Strategies". Uppsala (Швеция), 2002.
7. Трансформация основ жизнедеятельности уйльта Сахалина. Экскурс в прошлое и настоящее - Международная научная конференция «Международные отношения на Дальнем Востоке России в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона: история, экономика, культура» (Третьи Крушановские чтения). Южно-Сахалинск, 2003.

Возможность целенаправленно работать по заявленной теме диссертации появилась у соискателя благодаря участию в международном проекте "Post-Soviet Political and Socio-economic Transformation among the Indigenous Peoples of Northern Russia: Current Administrative Policies, Legal Rights, and Applied Strategies", выполняемом при финансовой поддержке Юбилейного Фонда Банка Швеции.

Диссертационная работа обсуждалась на заседании отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН 16 ноября 2004 г. и была рекомендована к защите.

Структура диссертации определяется логикой изложения материала в соответствии с целью работы, обуславливающей необходимость рассмотрения двух взаимосвязанных сфер жизни этнической общности: динамики этнодемографической ситуации и трансформации основ жизнедеятельности.

Диссертация состоит из Введения, двух основных Глав, подразделяющихся на тематические разделы, обобщающего Заключения, Библиографии и Карт. В качестве Приложения к работе представлены обработанные данные архивных фондов (Метрических книг), оформленные в виде обширных таблиц.

Учитывая существующую проблему использования в литературе и источниках большого числа наименований исследуемой этнической общности, прежде чем перейти к основному содержанию работы, необходимо обратить внимание на то, что в тексте данной работы употребляется то наименование, которое было использовано в научной литературе автором конкретного называемого труда (в разделе «Историография»), либо название, которое внесено в исследуемые

документы архивов (в т.ч. Метрические книги), ЗАГСов, официальные статистические документы (в тех случаях, когда анализируются данные источников).

Автор настоящей работы использует в качестве *основного этнонима* самоназвание народа -*уйльта*.

II. Основное содержание работы

Во *Введении* обосновывается *правомерность и актуальность* постановки исследуемой темы, а также дается *краткая характеристика истории Сахалина* как части общероссийской истории, создающей социальные условия развития коренного народа острова. В *Историографии* излагаются основные проблемы исследований уйльта (ороченов, сроков) российскими, японскими, польскими, английскими учеными в области этнологии, археологии, антропологии и лингвистики. Основные значимые выводы по различным теоретическим вопросам, связанным с историей и культурой этого народа, принадлежат Б.О. Пилсудскому, А.В. Смоляк, М.Г. Левину, В.И. Цинциус, Т.И. Петровой.

Круг вопросов, касающихся уйльта, равно как и общий объем публикаций, посвященных этому народу, довольно ограничен. В XIX и XX веках в основном всех, кто изучал тунгусо-маньчжурские народы или коренные народы Сахалина, интересовали вопросы этногенеза уйльта в общем процессе этногенеза указанных народов. И именно проблема этногенеза отобразена в наибольшем числе исследований, касающихся этого народа. Кроме того, при рассмотрении проблемы этногенеза уйльта, постепенно складывалась и другая проблема - идентификации народа, которая приобрела в жизни независимый самостоятельный характер, влияла на определение численности и расселения этнической общности. Данными факторами обусловлено и то, что наибольшее внимание в историографическом разделе уделяется обзору литературы по этим проблемам, непосредственно относящимся к теме исследования.

В мировой научной практике существуют лишь две монографические работы, посвященные этому народу, написанные в 1990-х годах. Первая работа по социальной антропологии выполнена исследователем из Республики Корея Х. Квоном (ныне работающим в Великобритании). Х. Квон изучал в 1989-1993 гг. историю колхозной/совхозной жизнедеятельности уйльта советского периода развития и ведение оленеводческого хозяйства в конце 80-х - начале 90-х годов прошлого века,

¹ Kwon H. Maps and actions: nomadic and sedentary space in a sibirian reindeer fam/ Ph D. Thesis. Department of S.A. University of Cambridge. 1993.

т.е. состояние оленеводства уйльта в конце истории существования советского оленеводческого совхоза в Ногликском районе Сахалинской области. Большое внимание в работе уделено социальным и экологическим вопросам организации охоты и оленеводства. К сожалению, эта рукопись в полном объеме не доступна читателю из-за несостоявшейся до сего времени публикации. Далее в 1996 г. российским исследователем из Южно-Сахалинска Т.П. Роон была написана работа, посвященная хозяйству и материальной культуре уйльта Сахалина в XVIII - середине XX веков. В своей монографии автор рассматривает хозяйственные занятия уйльта, традиционную систему оленеводства, транспортные средства, традиционные жилые и хозяйственные постройки, традиционную одежду и обувь. Работа написана в основном на материалах Сахалинского краеведческого музея и полевых изысканий. В 1990-2000-е годы в Японии осуществляется большое число научных работ в области археологии, лингвистики и изучения традиционной материальной культуры коренных народов Сахалина, включая уйльта. Специальных развернутых исследований по этногенезу, истории, родовой системе, семейно-брачным отношениям и духовной культуре уйльта на сегодняшний день в литературе не существует. Поскольку других значимых исследований, посвященных именно этому народу, нет, данная историографическая часть работы построена по тематическому принципу. Автор данной работы стремится учесть разнообразный существующий и доступный к исследованию российским специалистам опубликованный материал, касающийся этнокультурного развития уйльта Сахалина, даже если информация об этом содержится буквально в одной или нескольких фразах в исследованиях, посвященных теории и иным вопросам исторического изучения народов Севера России.

Вопрос о происхождении ороков¹ ставился Л.И. Шренком, Г.И. Невельским, Л.Я. Штернбергом, Б.О. Долгих, А.В. Смоляк. Ороков характеризовали как «небольшое маньчжуро-язычное оленеводческое племя», переселившееся с Амура на Сахалин в конце XVI или в первой

¹ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849-1855. 5-е изд. Хабаровск, 1969. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т.1. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб., 1883. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LV. М., 1960. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX - начало XX в. М., 1975. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока/ Труды Северо-Восточной экспедиции. II. М., 1958.

половине XVII в., по китайским источникам - возможно «ороки были на Сахалине уже около 1709 г.». Большую роль в изучении проблем этногенеза народов Дальнего Востока, в частности тунгусо-маньчжурских народов Амура и Сахалина, сыграли антропологические исследования М.Г. Левина (1957 и 1958 годы). Он критически пересмотрел предложенные ранее классификации антропологических типов Северной Азии. М.Г. Левин выделяет в коренном населении Нижнего Амура и Сахалина, если не считать айнского, два антропологических типа: байкальский и амуро-сахалинский. Характерные представители байкальского - негидальцы и ороки. Сказанное выше хорошо согласуется с данными археологии, свидетельствующими о том, что древние культуры Нижнего Амура и Приморья, по крайней мере со II тысячелетия до н.э., обнаруживают тесные связи с культурами лежащих к югу областей (Маньчжурии, Кореи, Северного Китая),

Первые серьезные исследования орокского языка принадлежат В.И. Цинциус и Т.Н. Петровой. Согласно их полевым наблюдениям, ороки говорят на самостоятельном языке, входящем в амурскую подгруппу тунгусской ветви языков В. И. Цинциус пришла к следующим выводам: 1) орокский и удэгейский языки ближе к эвенкийскому, чем нанайский, ульчский и орокский; 2) три последних языка (нанайский, ульчский и орокский) - относительно древние на Нижнем Амуре (их «возраст» - около 2 тыс. лет) . Занималась классификацией тунгусо-маньчжурских языков и Г.М. Василевич. Данные её исследований также подтверждают, что тунгусоязычные народы Нижнего Амура и Сахалина сложились в этих местах намного ранее XVII в., возможно в период неолита или, по крайней мере около рубежа нашей эры.¹ Интересно заметить, что, в 1960-1970-е гг. японский ученый С. Мураяма, проведя сопоставительный анализ элементов древне-японского языка и тунгусо-маньчжурских языков приходят к выводу о влиянии их на древне-японский.

При исследовании родового состава, разные исследователи насчитывают от 8 до 12 родов ороков. Эти расхождения объясняются динамикой родовых взаимоотношений, процессом сложения и распада некоторых родов данной этнической общности. А.В. Смоляк, изучая родовой состав народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX - начале XX вв., пришла к выводу, что некоторые родовые названия северных и южных

¹ Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949; *еі же*. Центральные и маргинальные фонетические ареалы Приамурья и Приморья// Народы и языки Сибири. М., 1978 . Петрова Т.К. Язык ороков (уйльта). Л., 1967. Василевич Г.М. К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков// Вопросы языкознания. 1960. №2.

ороков совпадают, однако на юге имелись роды, отсутствовавшие у северных соплеменников, и наоборот. Следы родовой организации у уйльта сохранялись почти до конца XX в. Еще в середине XX столетия сохранялась родовая экзогамия. Отмечены восемь основных родов: Баяуса, Гетта, Намисса, Торисса, Муйотта, Синаходо, Сюкту и Тэгэсэ. Некоторые роды делились на два подразделения (Дай - «большой» и Нучи - «маленький»): Дай и Нучи Баяуса, Дай и Нучи Намисса, Дай и Нучи Торисса, Дай и Нучи Сюкту. Кроме того, среди потерявших оленей и перешедших к оседлой рыболовецкой жизни ульта южного Сахалина, как считает А.И. Кузнецов, возникли своего рода «землячества», «псевдороды», воспроизводящие структуру бытовавших в прошлом союзов нескольких родов, таких, например, как Валетта, Дахинени. По сведениям, полученным от информаторов в 1990 - 1991 гг., род уйльта состоял всего из трех-пяти семей и насчитывал от 18 до 40 чел.

Исследователи хозяйства и материальной культуры уйльта отмечают, что нивхов, ульчей и орочей отличает от ороков наличие оленеводства. Их оленеводство - особого типа, примыкая к тунгусскому верховому, отличается наличием упряжки оленя, причем нарта составляет давнее достояние ороков, а не недавнее заимствование. Тип рыболовства указывает на связь ороков с маньчжуро-тунгусами бассейна Амура и отличает от гиляков. Этот тип рыболовства обусловил и характерный для обитателей Амура полуоседлый образ жизни. Конический чум по конструкции и терминологии также идентичен тунгусскому. А двускатная форма летника отражает влияние охотничьих племен Амурского и Уссурийского края. Покрытие амбара (в виде свода) говорит об определенной близости ороков не только с Амурскими этническими общностями, но и с Северо-байкальскими тунгусами. Охота на нерпу подобна гиляцкой, похожи на гиляцкие все религиозные представления о нерпе, косатке, ките, о божестве моря, обряд жертвоприношения морю и вообще весь жизненный цикл, связанный с морем. Костюм сопоставим как с тунгусским, так и маньчжуро-китайским, есть гиляцкие элементы.

Традиционное хозяйство уйльта в литературе характеризуется как оленеводческо-охотничье, имеющее много черт, сходных с хозяйством эвенков и эвенов. Однако, длительное пребывание на Сахалине привело

¹ Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза// Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975; *ее же*. Народы Нижнего Амура и Сахалина// Этническая история народов Севера. М., 1982. Кузнецов АМ Ульта (ороки) // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 4. Москва; Улан-Удэ, 1999.

уйльта к необходимости приспособиться к окружающим условиям и обрести ряд оригинальных черт культуры и быта, существенно отличающих их от других оленеводческих народов. К концу XIX в. южные ороки в основном уже лишились оленей и занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, таежной охотой. Оленеводство у всех ороков имело небольшие масштабы и носило ярко выраженный транспортный характер.

Ряд авторов высказывает предположение, что уйльта не мигрировали на остров в XVIII в., глубокие адаптивные корни культуры и ее архаичные элементы свидетельствуют о том, что предки уйльта заселили остров гораздо раньше. Такие выводы можно сделать, руководствуясь последними данными, полученными в результате исследования японскими и сахалинскими антропологами материала археологической «охотской культуры» Хоккайдо и Сахалина. Гипотетически возможно, ископаемый человек "охотской культуры", распространенной на Сахалине и Хоккайдо, мог быть предком или сородичем современных уйльта.

Глава I «Проблемы идентификации уйльта и динамика основных этнодемографических характеристик» подразделена на 4 параграфа.

В *1 параграфе* рассматриваются вопросы этнонимии, влияния фактических данных Переписей населения на судьбу малочисленного народа. *Проблема расселения и численности народа* представлена на основании как архивных документов последних Десятилетий XIX в. - первых десятилетий XX в., так и материалов, собранных во время проведения экспедиций в Ногликский и Поронайский районы Сахалинской области в 1900-1991 и 2001-2004 гг.. Рассмотрение одновременно проблем численности и этнонимии данной этнической общности объясняется тем, что от использования в различных ситуациях того или иного определения (названия) народа *de facto* зависела и его численность. По переписи 1959 г. ороки (т.е. уйльта) ошибочно были причислены к «орочам». По данным А.В. Смоляк, проводившей в 1963 г. полевые исследования, на южном Сахалине ороков насчитывалось 160-170 чел. В переписи 1979 г. уйльта вновь были названы орочами, перепись зарегистрировала их в местах расселения именно уйльта. Перепись 1989 г. также не избежала ошибок предыдущих переписей. Близость наименований "ороки" и "орочи" (особенно в обозначении женщин этих национальностей - "орочка") привела к тому, что на Сахалине были зарегистрированы 129 ороков и 212 орочей, тогда как в действительности там не было ни одного ороча. Таким образом, 341 чел., отмеченные в переписи как ороки и орочи, на самом деле - представители одного народа. Экспедиционные исследования автора 1990-1991 гг. показали, что в Ногликском р-не насчитывалось 164 уйльта, а в

Поронайском - 156. Численность уйльта, по данным экспедиций 2001-2003 гг. (по материалам Валовского с/с и администрациям пгт. Ноглики и г. Поронайска), остается примерно той же, по переписи населения 2002 г. - 341 чел.

В 1912 г. С. Патканов писал, что племя ороков, родственное ольчам и скитающееся на средней части острова, в переписном материале 1897 г. ошибочно названо "орочонами". Действительно, «орончон, орочон или орочен» представлял! из себя искаженное маньчжурское слово «орунчун», означающее «оленный народ» (по тунг.: «орон» - ручной олень), применявшееся маньчжурами для обозначения разных тунгусоязычных племен, державших оленей: бродячих тунгусов, ороков и манегров. При первом знакомстве русских с «тунгусоязычными общностями», они назвали их «оленными тунгусами», на часть которых с конца XVIII столетия, перенесли маньчжурское имя «орунчун». Эта неопределенность названия «орочон» отразилась и на переписном материале того времени.

Автор обращает внимание на восприятие термина «орочены» в зарубежной литературе. В труде финского ученого Йюхи Йанхунена (1996 г.) «ороки» классифицированы как исчезающая «малая популяция» (179 чел.), «субэтническая группа нанайцев». Id est, «неразбериха» с этим малочисленным народом присуща не только отечественному взгляду, но и зарубежному в равной степени.

Автор работы отмечает, что в литературе используются более 20 наименований, обозначающих уйльта *орныр, тазунг, тозунг, уилтй, улыпа, уйльта, уйрута, орок, орошо, ораката, ороцко, орокхо, оронгодохун, ульчар, додзин, улка, улька, орочоны, ольчи. орохко, орокес, ольча, ороксы...* И показывает, что некоторые приведенные наименования - это лишь результат разного звучания (произношения) одних и тех же этнонимов, использование которых в различных документах сразу же искажало численность народа, относя уйльта к эвенкам, орочам, ульчам или к тазам.

В 1986 г. областными организациями была предпринята попытка обмена паспортов с указанием в новых паспортах национальности "орок" вместо "орочен". Эта акция встретила сильное сопротивление со стороны коренного населения и областные власти были вынуждены отменить свое решение. Записать орочёнов ороками попытались и при проведении переписи 1989 г. Попытки неоднократно навязать народу чуждое ему название привели к проявлению "дремавшего" до поры этнического самосознания, к стремлению добиться официального признания народа *как уйльта (по самоназванию народа)*. В результате в 1990 г. были приняты Обращения в Верховный Совет СССР с требованием «вернуть» (точнее -

установить, Слово «вернуть» использовалось в Обращениях) народу их самоназвание «уйльта» в качестве официального использования этого определения во всех государственных документах. В официальных документах 2001 г. уйльта фиксируются как «ороки (уйльта)», а в паспортах, выданных в советский период в большинстве случаев зафиксирована национальность *ороЧен(ка)*, *орочон(ка)*, редко - *ороча*, *ороч*, в единичных случаях (в одной семье, которой успели обменять паспорт 1986 г.) - орок. Указание в официальных документах национальности "орочен, ороченка" наложило Определенный отпечаток на восприятие современным поколением своей этнической принадлежности. На Северном Сахалине национальность орочен и орочёнка была впервые записана в паспорта в 1932 г., на Южном Сахалине - после 1945 г. Люди старшего поколения в конце XX в. однозначно считали себя уйльта. Опрос, проведенный автором в 1990-1991 годах и в 20012003 году показал, что ни один представитель этой этнической общности на Сахалине не считает себя ороком, а тем более орочем. Ныне самосознание «уйльта» присутствует не только у представителей пожилого поколения, но и большого числа молодежи. Впрочем, многие представители этого народа осознают себя в настоящее время как «орочены-уйльта» или «уйльта-орочены». Перепись 2002 г. подтвердила сложность процесса самоидентификации уйльта: 190 чел. назвали себя «орочены», 72 чел. — «уйльта», 42 - «уйльта» и 37 - «уйльта(ороки)».

Во 2 параграфе рассматривается *расселение и половозрастная структура уйльта, родовой состав и браки в конце XIX- начале XXвв.* При характеристике Метрических книг, служащих основным источником для рассмотрения этой проблематики, отмечается, что за период с 1872 по 1921 годы прошли акт крещения 1099 чел., относящихся к перечисленным этническим общностям, в т.ч. 576 представителей мужского пола и 523 - женского. Из них в период С 1880 г. по 1908 г. крестились 674 человека, относящихся к «ороченам», в т.ч. 347 представителей мужского пола и 327 - женского.

Обращается внимание на то, что «крещение» в данной работе не рассматривается в рамках проблемы христианизации Сахалина. Этой темой успешно занимаются сахалинские историки. Автор этой работы считает целесообразным использовать данные метрических книг для получения статистического материала о численности инородцев, местах их расселения, взаимоотношениях родов. В данном исследовании «крещение» представляется как процесс, происходивший в малочисленной этнической общности, а также как в конечном итоге свершившийся социальный акт,

внедрившийся в социальное сознание народа и естественным образом отразившийся в различных формах этикета и бытующих до сегодняшнего дня нормах поведения и обычаях. Христианизация малочисленного народа естественным образом способствует процессу его аккультурации, сближая («по вере») представителей этой этнической общности с иными общностями. Хотя, в сознании каждого уйльта есть с одной стороны знание о том, что его народ «обращен в православие», а с другой стороны - уверенность, что «ведь самое дорогое для уйльта всегда было сэвэ(н)» (на языке уйлыа сэвэ(н) - языческое изображение божества - духа-покровителя).

Наименования уйльтинских родов часто происходят от территориальных названий. Метрические книги зафиксировали постоянные места кочевья ороченов/уйльта, по которым можно увидеть, где были расположены их традиционные стоянки и где были места оседлого образа жизни - таковыми были Валетта, Дахи нЗни(нени) и Найпуту нани (нени).

Автор также обращается к информации о родах, которая бытует среди нынешнего пожилого поколения уйльта. уществовала, по мнению информаторов, 9 родов¹: 1. Род *Намиса* кочевал на территории «от Сабо до Пильтуна» (до мыса Шмидта). 2. Род *Даји* (*Дай* — «большой») *Еајауса* (*бая* — «богатый») кочевал на территории «от Пильтуна до Горомая». 3. Род *Нучи* (*малый*) *Еајауса* кочевал «от Горомая до Вала». 4. Род *Синаху*ду [позднее его представители вошли в образование «*Валетта*» - люди, жившие на реке Вал] («*сина*» переводится как *облезлый, выщепанный, «худу» - хвост, р. Синаху*ду) - кочевал «от Вала до Аскасай». 5. Род *Нучи Ториса* (включая *Дахи нани* - «землю Дагинскую») кочевал «от р. Аскасай - Дата - Горячие ключи - до р. Баури ("Скользкая")». 6. Род *Даји Ториса* - «от р. Тымь до Набиля». 7. Род *Гетта* - «от Набиля (*ранее см. р. Найбу*) до Луньского». 8. Род *Сюкта* - кочевал «по реке Сюкта» (прежнее название р. Поронай). 9. Род *Муйгэттэ* («*муц/муји* - змея») ~ *Ан* ~ «на Луньском», жили среди хребтов «*Дай Хурига*» (большие горы), хребты были и с юга, и с севера, там водилось много змей, поэтому род назывался родом змеи. В данном списке обозначены как отдельные роды *Даји* и *Нучи Еајауса*, *Даји* и *Нучи Ториса*. В литературе имеются данные о существовании в прошлом еще одного рода - *Тэгэсэ* Представителей этого рода Б.А. Васильев застал еще в 1928 г., но сейчас люди не помнят ни одного предка из этого рода. Валетта, Дахи нани(нени) и Найпуту нани (нени) не могут считаться родами, так как по мнению информаторов, владеющих с детства уйльтинским языком, данные

¹ Все названия родов и местностей даны и объяснены носителями уйльтинского языка.

названия обозначают известные места обитания уйльта, относящиеся к более позднему времени: жители реки Вал, земли Дагинской /Дахинской (т.е. реки Дата), устья реки Найпу (происходит от айнского «най» - «река», «пу» - «устье»). К этим «жителям» могли относиться представители различных родов. Не существует в настоящее время ни одного человека и из рода *Намиса*.

Затем автор делает попытку определения численности уйльта. По архивным данным можно заключить, что к концу XIX в. численность этнической общности уйльта была не менее 600 чел.» в том числе среди 218 человек взрослого населения - 106 мужчин и 112 женщин. Именно 600 чел. - такая численность этой этнической общности была предположительно определена и Б.О. Долгих по отношению к XVII в.

После анализа возможных брачных взаимоотношений уйльтинских родов далее современные семейно-брачные и межэтнические взаимоотношения сопоставляются с этническим составом браков, бытовавших в обществе столетие назад.

В 3 параграфе характеризуется *современная этнодемографическая ситуация*, сопоставляется численность северной и южной групп уйльта за последние годы. Общая численность ороков (уйльта), по данным официальной статистики, в Ногликском районе в 1999 г. была 119 чел., в 2000 г. - 114, в июле 2001 г. - 169. Необходимо обратить внимание, что в эти годы происходит падение жизненного уровня уйльта в этом районе, показатели рождаемости очень невысоки, есть детская смертность и никакого переселения представителей народа из других мест не значит. По какой причине увеличивается число уйльта с 2000 г. до середины 2001 г. на 55 человек (для такого малочисленного народа это очень большая цифра). Вероятно, происходят изменения в самоидентификации уйльта и идентификации их представителями администрации. Общая численность ороков (уйльта) Поронайского района в 1999 г. - 177 чел., в 2000 - 163 чел., в июле 2001 г. - 164 чел. При меньшей общей численности населения уйльта и меньшего числа уйльта находящегося в репродуктивном возрасте, в Ногликском районе родилось за исследуемый период большее число детей, чем в Поронайском районе. Вероятно, сказывается ситуация, характерная для общего процесса рождаемости: независимо от национальности в условиях города детей рождается меньше, чем в сельской местности.

Далее рассматриваются *этнические и социальные аспекты рождаемости и семьи*. Случаев, где и отец, и мать - уйльта, становится все меньше — это можно было наблюдать и в последние десятилетия советского строя. Если ребенок рождается не в полной семье, кто бы ни был по

национальности его отец, ребенок воспринимает культуру матери и той этнической среды, в которой он вырос. Поэтому логично, что ребенок, родившейся от европеоидного отца (национальности различные) в такой ситуации осознает себя представителем народа уйльта. Помимо этого происходят и иные процессы, очевидно характерные и для других народов Севера. В полных семьях при зарегистрированном браке, независимо от национальности отца (им может быть и русский, и украинец, и белорус), ребенок числился в документах местной администрации как орочен (уйльта), а в дальнейшем записывал эту национальность в паспорт. Происходит это потому, что существуют определенные государственные и местные льготы для народа Крайнего Севера. В семьях, где один из родителей имеет национальность уйльта, а другой - эвенка, нивха или нанайца ребенок чаще всего не выбирает себе национальность уйльта. Происходит это потому, что уйльта - самый малочисленный народ на Сахалине, о котором не знают зачастую даже давно живущие там приезжие, больше известны эвенки, нивхи и нанайцы. В Поронайском районе живет большее число нанайцев. Отношения с ними складываются у уйльта поразному, т.к. большинство нанайцев приехали на остров Сахалин вместе с русскими и другими представителями многочисленных народов в не столь давние времена, чтобы считаться коренным населением - такое мнение бытовало прежде всего в среде малочисленных народов Сахалина. Этим объясняется некоторое противостояние интересов уйльта и нивхов - с одной стороны и нанайцев - с другой. Кроме того, близость уйдытского и нанайского языков способствовала общению этих народов и заключению межэтнических браков еще в 50-60-х годах прошлого века. За последнее десятилетие ситуация сглаживается. Такому процессу в наши дни помогает и владение всеми названными народами единого разговорного языка - русского. Если остановиться на этнически смешанных семьях уйльта с корейцами, вырисовывается иная картина. Фамилии и имена в семье дети получают, как правило, корейские, воспитываются в традициях корейской культуры. Однако, имея первично корейское самосознание, в последние годы они записывают в официальные документы национальность уйльта для того, чтобы иметь льготы малочисленного народа Севера. Со временем происходит восприятие «двойного» самосознания, к примеру, уйльта-корейского. В случае переезда такого человека для временного или постоянного жительства на материк он начинает называть себя только корейцем. Это не характерно было для советского времени. До 1990-х годов наблюдался процесс естественной ассимиляции уйльта в корейско-уйльтских семьях, самосознание детей было корейским вне зависимости от

места жительства - на родине или на материке. Идентификация уйльта напрямую зависит от этнической среды и аспектов социальной политики государства.

Затрагивается также проблема *нарушения природной среды обитания этнической общности*, которая естественным образом отражается на состоянии здоровья людей и на возможности ведения ими традиционного для прежних веков хозяйства.

4 параграф посвящен *трансформации малочисленной этнической общности под влиянием этносоциальной среды*. Автор предпринимает попытку сопоставительного анализа процессов динамики различных сторон жизни малочисленных этнических общностей, живущих в различных климатических и государственно-политических условиях, но их динамика под влиянием этносоциальной среды оказывается реально сопоставимой, а общие закономерности процессов схожими.

Далее автор обращается к вопросам влияния этнической среды на трансформацию малочисленного народа на Сахалине. Рассматривая этническую среду обитания южной и северной групп уйльта на Сахалине, кроме общих тенденций, можно увидеть и некоторую разницу. Практически потеряв свои родные языки, но не потеряв своих культурных особенностей, все малочисленные народы Поронайского района (нивхи, уйльта, эвенки и переселившиеся в 1947 г. на остров нанайцы) объединяются для решения своих насущных проблем. Первоначально в начале 1990-х годов здесь активно работало отделение Ассоциации народов Севера, сегодня существует Местная общественная организация коренных малочисленных народов Севера, которая ставит своей целью главным образом развитие хозяйственной деятельности, а также возрождение этнической культуры, куда входит и понятие этнического самосознания. Важно отметить, что под этническим самосознанием часто понимается осознание себя причастным к «народу Севера». С Одной стороны, народы и сегодня отчетливо осознают разницу между собой в конкретных традициях, этикете, орнаменте. С другой стороны, многие этнокультурные мероприятия проводятся вместе под символом единой принадлежности к «народу Севера», независимо от традиционного этнического разделения. Безусловно, эти народы сегодня имеют одни и те же жизненно важные проблемы, которые легче решить сообща. Особенно это характерно для южной группы уйльта, давно перешедшей на оседлый образ жизни, поскольку основным занятием их на современном этапе развития, также как и их соседей - нивхов, эвенков и нанайцев - стало рыболовство.

Иная картина в Ногликском районе. Северная группа уйльта в

большинстве случаев не столь охотно занимается рыболовным промыслом, практически не пытается создать сегодня родовые рыболовецкие хозяйства. Это объясняется сохраняющимся до сих пор стремлением развивать прежде всего оленеводство. Несмотря на все трудности, связанные с подъемом этого непростого вида хозяйства, у них живет надежда на то, что именно оленеводство не даст им пропасть, это действительно «их дело». Общей картины активной общественной деятельности, характерной для малочисленных народов Поронайского района, в Ногликском районе нет.

Глава II «Основы жизнедеятельности уйльта в XIX-XXI вв.» посвящена оленеводству и связанной с ним сезонной охоте, а также рыболовству. Состояние и формы бытования некогда неотъемлемой части жизнеобеспечения и образа жизни уйльта *олeneводства* анализируются на основании данных большого комплекса архивных материалов и собственных полевых исследований. Описываются годовые циклы жизни оленеводческих бригад в разные временные периоды применительно к северной и южной группам уйльта. *Рыболовство* рассматривается как одна из наиболее важных и перспективных отраслей традиционного для прошлых столетий хозяйства уйльта, развивающаяся ныне в форме родовых, семейных, национальных хозяйств.

Для того чтобы понять характерные особенности этнокультурного развития народа и закономерности Этого процесса, необходимо обратиться к одной из самых главных основ жизни человека - жизнедеятельности. Рассмотрение динамики, произошедшей в основных сферах деятельности народа, складывавшихся веками и претерпевших резкие изменения дважды за последний век, позволит понять причины происходящих ныне трансформаций в жизни и сознании народа. Основными сферами жизнеобеспечения уйльта как в прошлом, так и в настоящем считаются оленеводство, рыболовство и охота.

Глава подразделяется на 3 параграфа. Объем каждого параграфа обусловлен наличием имеющегося архивного материала, дополняющегося материалами полевых исследований автора, *В 1 параграфе*, самом большом по объему, представлена тема оленеводства уйльта. Автор приводит *характеристику типа оленеводства*. По классификации оленеводства В.Г. Богораза оленеводство уйльта можно отнести к типу «южного» оленеводства «с верховой ездой» («санная езда» «северного» типа оленеводства используется уйльта в зимнее время). По «способу пастбы» верховое оленеводство уйльта относится к «восточному» типу - без применения пастушеской собаки. Затем дается детальное описание классификации оленеводства, учитывающей характерные черты оленеводства разных

этнических групп, разработанной Г.М. Василевич и М.Г. Левиным. По их заключению, оленеводство уйльта, отличающееся нартой и упряжкой, в остальном сходно с оленеводством алдано-зейско-амгунской группы эвенков. Сходна у них и вся терминология, относящаяся к верховому транспорту. Кроме того, сказания уйльта упоминают предков, вышедших с Амгуни на Охотское побережье и дальше на Сахалин. Все это позволяет видеть в этих предках группы древних оленных тунгусов.

На основе литературных источников описываются маршруты кочевья и способы выпаса оленей в конце XIX - начале XX вв. Оленеводство уйльта имело небольшие масштабы и транспортный характер. Оленные ороки кочевали небольшими группами: летом около моря и устья нерестовых рек, живя в летних поселениях из 10-30 хижин. Здесь же были кладбища и места религиозных культов. Добывали лососевых, готовили из них юколу и затем отвозили ее вверх по течению рек в свайные амбары *долу*. Стада оленей насчитывали 20-30 голов в одном хозяйстве, что позволяло долгое время оставаться на одном месте и облегчало заготовку рыбы и охоту на морского зверя. Осенью стада перегоняли вглубь острова, к горам, в богатые ягелем и грибами места, где затем протекал гон. Двигались за оленями пешком или на лодках и продолжали рыбный промысел. После выпадения в горах обильного снега ульта откочевывали поближе к морю, но зимовали не на побережье, а в тайге, где было легче переносить ураганные ветры и имелись богатые охотничьи угодья. Весной стада приближались к морскому берегу, начинался отел. Здесь же начинали промысел ластоногих, а с началом нереста лососевых сезон рыбной ловли. Так замыкался годовой хозяйственный цикл. У них была четырехзвенная система пастбищеоборота, состоявшая из нескольких зимних, весенних, летних и осенних пастбищ.

Динамика оленеводства уйльта в XX в. анализируется на основании обширных данных, собранных автором в архивах. Имеющиеся архивные материалы позволяют проследить состояние оленеводства с 40-х гг. XX в. Очевидна следующая динамика коллективного оленеводческого хозяйства уйльта. В годы войны по сравнению с 1940 г. численность оленей в хозяйстве не только не уменьшалась, но и возрастала. К 1947 г. поголовье вернулось к Довоенному уровню. Наибольшая численность коллективного стада приходится на 1960-1970-е годы. А к 1990-м годам поголовье оленей резко сокращается в 8-10 раз. В начале 2000-х гг. происходит незначительное увеличение стада, но по сравнению с 1940 г. оно становится меньше в 3 раза и более. Практически на протяжении всего существования коллективного оленеводческого хозяйства уйльта не было особых перспектив его развития. Постоянные огромные нагрузки на оленеводов (не

хватало профессиональных пастухов), неоправданные планы доведения стада до таких размеров, которые Могли наносить бред природе, жалобы зоотехников на невозможность соблюсти требования, необходимые для выведения нужной породы оленя и проведения ветеринарного обслуживания - все это не предвещало дальнейшего развития оленеводства в такой форме. В сознании оленеводов постоянно жила мысль о том, что с оленями так обходиться нельзя, их предки «почитали, а не только поедали оленя». С другой стороны, шел распад культуры и в среде самих оленеводов: многие начинали так много потреблять алкоголя, приезжая в поселок, что теряли традиционно благородный «статус» уйльтаинского оленевода, уменьшалось число профессиональных кадров из их среды. Кроме того, воспитание некоторой части мальчиков уйльта в интернатах также не могло способствовать приобретению опыта и продолжению оленеводческого дела. Изучая архивные материалы, становится очевидным, что уйльта не имели в прошлом большого поголовья оленей, у них не было традиционных навыков выпаса огромного стада в таежных условиях - планы ведения хозяйства создавались и предписывались зачастую теми людьми, которые могли никогда и не быть на Сахалине, естественно они и не представляли все природные условия, возможно и не совсем пригодные для содержания стада в особо крупных размерах.

При характеристике *современного состояния оленеводства в конце XX-начале XXI веков (по полевым и архивным материалам)* описывается современный годовой цикл выпаса оленей в северной группе уйльта и несохранившийся до сего времени - в южной группе уйльта. Сравнивая масштабы и численности поголовья стада, и размеры площадей Выпаса оленей у северной и южной групп уйльта, автор делает вывод, что в северной группе оленеводство было развито в гораздо большем объеме, чем в южной группе. Это характерно как для начальной стадии существования коллективного оленеводческого хозяйства, так и на его конечном этапе. Таким образом, современные полевые и архивные изыскания очевидно подтверждают теоретически сложившееся мнение некоторых исследователей о том, что южная группа уйльта гораздо раньше начала вести оседлый образ жизни и лишилась оленей достаточно давно. Северная же группа вела традиционный оленеводческий образ жизни до наступления советского периода. Предметы материальной культуры, связанные с оленеводством, присутствуют в бытовой жизни северной группы и в настоящее время, чего давно нельзя сказать о южной группе. Кроме того, многие уйльта с. Вал прекрасно и охотно рисуют сцены из оленеводческой жизни. Подобного национального искусства у южных уйльта нет. Именно

сохранением оленеводческих, традиций объясняется желание уйльта на севере продолжать заниматься оленеводством и сегодня; равно как более давнее отсутствие оленеводческих навыков и освоение рыболовецкого промысла обуславливает стремление Южных уйльта развивать ныне именно рыболовство. Совершенно схожей тем не менее оказывается динамика коллективного оленеводческого хозяйства северной и южной групп в советское время. Как показывают материалы последних экспедиций, вовсе не стихия природы разрушила оленеводческое хозяйство южных уйльта в 1981 г. По свидетельству очевидцев, по публикациям в местной прессе тех лет картина предстает более трагическая. Государственные планы на «иасо оленя» доходили в 1970-х годах до таких размеров, что совхозных оленей поголовно «расстреливали» из вертолетов по всей тайге района. К 1981 году стада оленей уже не существовало в отделении «Оленевод» зверосовхоза «Поронайский». Объяснения чиновников о том, что все олени погибли от обилия воды после тайфуна, кажутся абсурдными для оленеводов - именно олень в таких условиях выживет, так как он прекрасно плавает. Видимо, для того, чтобы уйти от ответственности за сделанное, представители власти тех лет официально списали этот «убой» оленей на счет природной стихии. Таким образом, коллективное оленеводческое хозяйство южной группы уйльта, также как и северной, было создано и погублено По инициативе государственной власти. Роль государства в динамике этой сферы жизнеобеспечения уйльта оказалась огромной.

С кочевым оленеводческим образом жизни всех уйльта в прежние века, а ныне северной группы, тесно связана сезонная *охота*. Рассмотрению этого вида деятельности посвящен особый подраздел. Прежде всего, охота обеспечивала питание оленеводов и их семей в те периоды времени года и на тех территориях, где иным образом прокормиться не было возможности. В отдалении от возможных мест рыбной ловли, охота выполняла очень важную функцию в жизнеобеспечении людей. В дальнейшем стала приобретать товарную ценность пушнина. Большим помощником на охоте традиционно (и до сих пор) служат специально обученные этому искусству собаки. Именно для охоты, а не для выпаса оленей, уйльта традиционно используют собак. Архивные материалы, характеризующие охоту в советское время настолько незначительны, что проследить детально динамику этой сферы деятельности не удастся. Рассматривать охоту как самостоятельную сферу жизнеобеспечения уйльта отдельно от оленеводства на современном этапе развития не представляется возможным. В результате динамики этой сферы хозяйства в XX в. именно в процессе жизнеобеспечения Современных оленеводов северных уйльта охота

продолжает иметь определенное значение. Поскольку группа современных оленеводов очень малочисленна, то говорить о большом значении охоты для всего общества уйльта, живущего в поселке Вал и городе Поронайск, не приходится. Уйльта Поронайска в последние годы вообще почти не выходят на охоту. Постоянно увеличивающееся приезжее население быстрыми темпами уничтожает всех, на кого можно охотиться. Таким образом, сезонная охота сохраняется в основном только как часть оленеводческого цикла жизнедеятельности.

В работе поднимается вопрос о так называемом «*возрождении*» уйльта как одного из народов Севера. В документах о «культурно-экономическом развитии малых народностей Севера» провозглашается положение: «Победа Советской власти означала возрождение этих народностей». «Начался переворот в экономике, культуре и в их сознании... Вместо дымных, темных юрт эвенков, орочнонов вырос поселок оленеводов - Вал». Архивные данные 1967 г. свидетельствуют о том, что пастухи совхоза «Оленевод» «живут в полуземлянках, на одной из них нет даже крыши, в Помещении грязно, печь, сделанная...из бочки во время топки дымит, так что в помещении нельзя находиться...» Вероятно, условия жизни людей определяются самой системой ведения хозяйства. Переворот *de facto* в экономике, культуре и особенно в их сознании произошел в те годы огромный. Но какова оказалась ценность этого переворота: именно с 20-х годов XX века и до начала XXI века так и происходит постоянное «возрождение» этого народа. От чего и к чему должно произойти возрождение этого народа (главной целью считалось переведение на оседлость) - видимо люди, занимающиеся этим вопросом, сами этого не дожимали и не осознавали будущего отрицательного итога. Увеличение колхозного стада оленей не обозначало ни развития, ни «возрождения» оленеводства уйльта или самих уйльта. В настоящее время немногочисленные оленеводы вновь пытаются «возродить» свое оленеводческое хозяйство и уверены, что именно в возрождении личного оленеводческого хозяйства вновь при кочевом образе жизни заложен успех их экономического и культурного развития..

Оленеводство уйльта с конца XIX - по начало XXI вв. прошло три этапа развития. На первом этапе развития оленеводческий образ жизни народа складывался без сильного влияния внешних факторов. На этом этапе развивались семейные оленеводческие хозяйства, включенные в систему родовых отношений. На втором этапе, охватывающем развитие в советский период, за короткий промежуток времени складываются коллективные оленеводческие хозяйства, которые, просуществовав несколько десятилетий, также внезапно разрушаются. Напрашивается вывод, что именно

политические условия обеспечивали коллективный выпас оленей - в этом не было потребности самих уйльта. Традиционные немногочисленные поголовья оленей хозяйства в прежние времена создавали необходимые условия для жизни людей. А начавшийся в советское время отрыв пастухов от семьи и от дома, естественно не мог способствовать нормальному развитию отношений в семьях и пагубно сказался на передаче молодым навыков предков ведения оленеводческого хозяйства. Внедрение современных технологий и медицинских познаний проходили в колхозах и совхозах чаще всего формально, поэтому не могли принести больших результатов, чувствовалась нехватка специалистов в области зоотехники и ветеринарии. Последнее характерно и для третьего этапа развития оленеводства уйльта. Только теперь еще существует и острая нехватка оленеводческих кадров, навыками приручения и выпаса оленей обладает очень незначительное число мужской половины уйльта. Третий этап характеризуется переходом вновь к семейному способу выпаса оленей. Чаще всего, занимается выпасом один-два представителя семьи, остальные живут в поселке. Видимо, как и в досоветское время, оленеводство уйльта в XXI в. не будет слишком масштабным. Но потребности северной группы уйльта в развитии личного оленеводческого хозяйства очевидны. А в южной группе хоть и не представляется возможным заниматься оленеводством, но прочно живет в сознании мысль о непрерывной «связи» каждого уйльта с оленем в «древние времена»,

2 параграф характеризует другую важную ныне сферу жизнедеятельности - *рыболовство*. Рыболовство в настоящее время развивается в двух формах - единоличный вылов рыбы для семейного потребления и развитие промысловых хозяйств, образующихся по праву принадлежности к малочисленным народам Севера. Единоличное рыболовство в разной степени, но распространено повсеместно и в северной, и в южной группе уйльта. Коллективные малочисленные хозяйства получили развитие в основном среди южной группы. Южные уйльта перешли на оседлость гораздо раньше северных, что, вероятно, стало возможным благодаря изобилию морепродуктов на территории их обитания - нынешнего Поронайского района. Помимо рыбы уйльта традиционно употребляют в пищу несколько видов морских водорослей, разнообразные ракушки, нерпу и вообще «всё, что дает море человеку». Основная производственная деятельность всех родовых хозяйств Поронайского района включает добычу рыбы и морепродуктов, морского зверя. Остро стоят проблемы, связанные с возможностью реализовать свои права коренного народа Севера в сфере рыболовства.

Проблемы, связанные с *территориями традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера*, насущны в настоящее время в большей степени для южной группы уйльта, занимающейся рыболовством. В среде оленеводов подобные вопросы не рассматриваются так остро (они считают себя испокон веков хозяевами своей земли и не хотят вступать с властями в какие-то долговременные переговоры на эту тему - они просто используют земли в соответствии с надобностями ведения оленеводческого хозяйства). Поэтому динамика этой проблемы рассматривается в основной сфере жизнеобеспечения южных уйльта.

Рассмотрев динамику одной из важных сфер жизнеобеспечения уйльта рыболовство, автор отмечает, что рыболовство остается жизненно важным для данного народа нынешнего периода истории, не менее, вероятно, чем прошлых веков. Кроме того, простым рыболовством этот вид ведения хозяйства назвать нельзя, так как длительное время, живя на морском побережье, уйльта естественно занимались различными морскими промыслами, кроме ловли рыбы: охотой на морского зверя, сбором морской капусты и разнообразных ракушек, которые море выбрасывало на берег во время штормов. Нельзя не отметить и большое влияние японской культуры на потребление южными уйльта морепродуктов в XX веке. Во время правления Карафута в первой половине прошлого века, жизнеобеспечивающая деятельность южных уйльта претерпела изменения, которые не могут не отражаться и на современной жизни народа. Что касается северной группы уйльта, то для нее остается по-прежнему необходимым именно рыболовство, которое развито не в таких объемах как у уйльта Поронайского района, но при этом служит важной сферой жизнеобеспечения. Резких скачков (характерных для оленеводства) в развитии этой стороны хозяйства всех уйльта не наблюдалось с конца XIX века. Созданные в советское время рыболовческие колхозы включали уйльта в систему своей работы наравне с представителями всех иных живущих на Сахалине народов (и переселившихся в 1947 г. нанайцев из Хабаровского края). Можно сделать вывод о большей степени стабильности динамики этой сферы деятельности, чем оленеводческой.

В *Заключении* анализируется процесс трансформации малочисленной этнической общности в различных аспектах жизнеобеспечения и образа жизни под влиянием окружающей социальной и этнической среды Сахалина. Сопоставляются процессы межэтнических взаимоотношений на протяжении последних веков и последних десятилетий истории. Сравниваются процессы этнокультурной динамики различных

малочисленных народов России на основе личного полевого материала (собранного во время экспедиций на Чукотку, Камчатку, в Эвенкию, Якутию, Хабаровский край). Рассматриваются факты общего и особенного в современной ситуации развития народа уйльта.

Этнокультурная динамика уйльта с конца XIX - начала XXI вв. прошла три этапа. Первый - относится к тому времени, когда Сахалин осваивали приезжие с материка люди, принадлежавшие к различным этническим и социальным слоям Российского общества конца XIX - начала XX вв. В складывавшейся обстановке иноэтничного окружения уйльта продолжали вести самобытную жизнь, постепенно включаясь в общие процессы развития, характерные для российского общества в целом. На втором и третьем этапах культура уйльта не может противостоять внезапным возникающим реалиям. В советский и постсоветский периоды происходят серьезные трансформации; оказывающие значительное воздействие на реализацию одной из основных функций человеческого общества - функцию жизнеобеспечения. Вслед за этим происходит потеря многих черт этнической культуры. Новые условия этносоциальной среды однако не приводят уйльта в начале XXI в. ни к физическому, ни к этническому исчезновению. На третьем этапе самосознание народа уйльта укрепляется и вынужденно начинает играть восстановительную роль для необходимой жизнедеятельности общества. Автор отмечает, что на всех трех этапах развития общество уйльта находится в зависимости от политики государства по отношению к основным сферам его жизнедеятельности. На третьем этапе этнокультурная динамика происходит не только под влиянием российского общества, но и в определенной степени (равно как и всего населения Сахалина) под влиянием американской и японской социально-экономической среды.

В конце работы дается общая характеристика состояния уйльта в начале XXI века как итог этнокультурной динамики народа.

Настоящая работа по изучению уйльта началась более 10 лет назад и по различным причинам исследование оборвалось и было возобновлено уже в начале нынешнего века. В период начавшейся «перестройки» казалось очевидным, что народи де тк неминуемой гибели. Но последние несколько лет убеждают в обратном: несмотря на, казалось бы, безвыходную ситуацию и в оленеводстве, и в рыболовном промысле, люди начинают развивать свои семейные («родовые») национальные хозяйства. В северной группе получает свое развитие оленеводство в форме личного (семейного) ведения хозяйства. Потомки оленеводческих семей пытаются восстановить прежние принципы «обращения» с оленем и иметь **примерно** такое же число голов,

которое было характерно для их предков в XIX в. В их среде считается, что иметь намного большее число оленей не представляется реально возможным, да и необходимости в этом они не ощущают. С одной стороны, это можно объяснить тем, что основы жизнеобеспечения не меняются с течением столетий. С другой стороны, природные условия Сахалина никогда не позволяли разводить огромные оленеводческие стада, а в современных индустриальных и экологических условиях это становится еще труднее. В Ногликском районе остаются большие проблемы с развитием рыболовства в рамках национальных хозяйств уйльта. В южной группе - наоборот - начинают активно работать первые родовые рыболовецкие хозяйства. Оленеводство в Поронайском районе исчезло, и, скорее всего теперь уже это необратимо. Адаптация некоторой части уйльта к новым этносоциальным и экономическим условиям не отражает ситуацию среди всего уйльтинского населения. Но это своеобразный показатель жизнестойкости этнической общности. Не ставится сегодня никем вопрос об изоляции и возрождении народа в форме «традиционных» жизненных укладов. Однако одновременно нельзя не видеть, что, занимаясь именно традиционными видами деятельности, характерными для их предков, эти люди получают и духовную, и материальную поддержку для жизни.

Этнокультурная динамика привела уйльта за последнее столетие почти к полной потере разговорного национального языка. Если же исходить из того, что с самого начального момента возникновения трудовой деятельности человеческого коллектива язык был также необходим ему для этой деятельности, как и материальные орудия труда, можно заключить, что пробуждающийся интерес уйльта к своему языку сегодня может быть проявлением желания иметь и свою, отличную от иных обществ сферу деятельности, которая поможет им развиваться дальше. К этой сфере конечно относится оленеводство и рыболовство в такой форме, в какой оно не характерно для приезжего населения острова. Именно при занятиях «своим делом» появляется интерес и к использованию профессиональных дефиниций на родном языке. Почти все родовые хозяйства уйльта называются уйльтинскими словами, обозначающими названия родов и иные дорогие для сознания уйльта понятия. В профессиональном языке оленеводов уйльтинские понятия присутствовали как сто лет назад, так и сейчас, так как эти веками складывавшиеся в языке уйльта оленеводческие дефиниции как нельзя более точно характеризуют любое понятие в данной

¹ Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. The Edwin Meilen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter, 2000.

сфере деятельности, поэтому нет потребности вводить чуждые иноязычные термины. По сей день коренное население и северной, и южной группы уверенно использует топонимические понятия (названия рек, устья рек, озер, протоков, и т.п.) те же, какие использовали их предки на уйльтаинском языке. В таком виде язык уйльта продолжает свою жизнь. И это помогает ощущать людям свою более раннюю причастность к земле, на которой они живут.

Испытав сильное воздействие процессов аккультурации в ходе этнокультурной динамики, народ уйльта не потерял своей этнической идентификации. Напротив, в последние годы сильно возрастает этническое самосознание. В настоящее время начинается виток нового цикла развития оленеводческой культуры уйльта. В данном случае развитие оленеводства скорее всего не означает какого-то огромного стада голов оленей в перспективе. Современная динамика оленеводства уйльта подразумевает статус свободного ведения хозяйства, так необходимый для выражения человеческого достоинства индивидов, составляющих этническую общность уйльта. Именно свобода в выборе способов и методов хозяйственной деятельности помогает сохранить себя как личность и утвердиться в своей принадлежности к определенной этнической единице. Таким образом, в итоге этнокультурной динамики к началу XXI века сохранение этнической общности для уйльта служит той формой бытия, в которой возможно естественное развитие социальной культуры и обеспечение шанса «выжить» в современных экономических условиях. Ни о каком «исчезновении» данного столь малочисленного народа в настоящий период истории речь не идет. Общество, а в данном контексте - «этническая общность», будучи частью «общества», развивается по законам спирали - именно такое определение подтверждается циклами жизни, пройденными уйльта в XX - начале XXI вв.

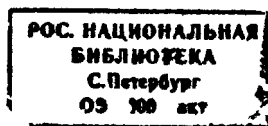
Автором данной работы собрано «генеалогическое древо» этнической общности уйльта, начиная с конца - частично со второй половины - XIX в. по начало XXI в. Из-за того, что объем собранного материала достаточно обширен и требует комплексного изучения с привлечением методик, разработанных в антропологии и лингвистике, для обработки и систематизации имеющихся дефиниций, целесообразно было не включать эту тему в настоящую работу. Задачей следующего исследования станет тщательное изучение данных родословных линий, что, возможно, позволит выйти на неразрешенные в научной литературе проблемы этногенеза, родового состава и численности этого народа.

В качестве *Приложения* к данному исследованию оформлены документы общественной организации коренных малочисленных народов Севера. Более

180 страниц занимают таблицы по темам: крещение «инородцев», браки «инородцев», усопшие «инородцы», личные имена уйльта в XIX - начале XX вв. Таблицы составлены по материалам Фонда «Церкви острова Сахалина Камчатской Духовной консистории» Государственного Архива Сахалинской области.

Основные положения диссертационного исследования отражены в публикациях:

1. Racial mixing and ethnic self-awareness of the aboriginal population of Kamchatka and Chukotka of the Soviet Union// Human Science. Journal of the Anthropological Survey of India. Calcutta. Vol. 37. № 4. Calcutta, 1988. P.313-336. (and Kouznetsov A.I.)
2. Метисация и этническое самосознание коренного населения Камчатки и Чукотки// Советская этнография. М.,1990. № 1. С.50-65.(совм. с А.И. Кузнецовым).
3. Методологический семинар Института этнографии АН СССР «Этнос в системе общественных форм»// Советская этнография. 1990. № 3. С.160-167.
4. Ороки Сахалина: проблемы современного развития/ Исследования по прикладной и неотложной этнологии./ Серия «Межнациональные отношения в СССР». Документ № 23. Москва, 1991. Издание Института этнологии и антропологии РАН (совм. с А.И. Кузнецовым). 1 п.л.
5. Межэтнические отношения на Сахалине// Етнографічна спадщина і національна відродження. (Тез. докл. Международной конференции по Этническим проблемам. Национальная Академия Наук Украины, Киев. Апрель 1992.) Київ, 1992.
6. Common Characteristics and Special Features in the Processes of Acculturation of Ethnic Minorities// Ethno-Social Situation in India and USSR. Delhi. 1992.
7. Общее и особенное в процессах аккультурации малых народов (Южная Индия и Крайний Север России)// Этносоциальная ситуация в Индии и СССР. М.» 1993. С 113-126.
8. Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии/ Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Серия «Межнациональные отношения в СССР». Документ № 35. М., 1993. Издание Института этнологии и антропологии РАН (совм. с А.И. Кузнецовым). 1,2 п.л.
9. Этническая среда как фактор трансформации этноса// Альманах «Российский этнограф». № 19. Народы Сибири. М., 1994.
10. Межэтнические отношения на Сахалине: влияние этнической среды на

трансформацию Малочисленного этноса// Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М., 1995. С.90-104

11. Этнонимия уйльта Сахалина// Имя и этнос. М., 1996. С.51-56.
12. Влияние этнической среды на развитие этнического меньшинства (на примере русских Украины)// Русские в современном мире. М., 1998. С. 140-159.
13. Уйльта Сахалина: основные проблемы исследований// Этнографическое обозрение. М., 2002. № 5. С. 61-81.1,7 ал.
14. Уйльта Сахалина в конце второго тысячелетия// Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. 2002. № 4. С. 3-26. 1,5 ал.
15. Остров Сахалин: современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов)/ Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 162. М. 2003.2, 8 ал.
16. История малочисленного этноса Сахалина уйльта (орочоны) в переписях II тысячелетия// Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2003. № 4. 0,5 ал.
17. Трансформация основ жизнедеятельности уйльта Сахалина. Экскурс в прошлое и настоящее// Международные отношения на Дальнем Востоке России в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения). Южно-Сахалинск - Владивосток, 2004. 0,5 ал.
18. Архивы Сахалина о состоянии оленеводства уйльта (с 40-х гг. XX в. до XXI в.)/ Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2004. № 8. 1,1 ал.
19. История проблемы идентификации малочисленного этноса Сахалина уйльта к началу III тысячелетия// Практика постсоветских адаптации. Сборник статей под ред. Х. Бича, Л. Силланпяя, Д. Функа М. (в печати). 1,1 ал.
20. Состояние оленеводства у уйльта Сахалина на рубеже XX-XXI вв.// Большие миры коренных народов. (Сборник, посвященный юбилею Е.А. Гаер.) Отв. ред. Е.П. Батьянова. М. (в ред. подготовке). 1 ал.
21. Who? How many and Why? // Сборник статей под ред. Хью Бича. Uppsala (в ред. подготовке). 1 ал. (на англ. яз.). (Ст посвящена влиянию этнической среды и государства на современное состояние малочисленного народа Сахалина уйльта)
22. Основные сферы жизнедеятельности уйльта Сахалина Есть ли реальная защита интересов малочисленного коренного народа? // Cultural Survival, (в ред. подготовке). 0,8 ал. (на англ.яз.).

Утверждено к печати Институтом этнологии и антропологии РАН

Подписано в печать 16.11.04.

Формат 60х84 1/16. Объем 2,1 п.л. Тираж 100 экз.

Участок оперативной полиграфии Института этнологии и антропологии РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А.

#23211